

257011

В Центр. научно-учеб. библиотеку
(О. Университетский).

В. Бузескул

10. VI
851

В. П. БУЗЕСКУЛ

Из истории Харьковского университета второй
половины 70-х годов прошлого века¹⁾

(ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ)

Многим известно, что Дмитрий Иванович Багалей — питомец Киевского университета, ученик В. Б. Антоновича, но, вероятно, лишь немногие знают, что он, будучи на первом курсе и вынужденный на время покинуть Киев, в весеннем полугодии 1877 года состоял студентом Харьковского университета.

Тогда, пятьдесят лет тому назад, я, в то время студент-первокурсник, впервые с ним встретился. Вместе, помнится, подходили мы экзаменоваться у А. А. Потебни и у профессора философии Ф. А. Зеленогорского... По окончании экзаменов с первого курса на второй, Дмитрий Иванович возвратился в Киев. В феврале 1883 года он был избран доцентом русской истории в Харьковском университете, и с тех пор его имя стало неразрывно связанным с этим университетом и с общественной жизнью гор. Харькова.

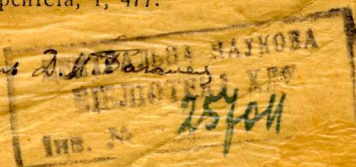
Здесь я хотел бы поделиться своими воспоминаниями о Харьковском университете того времени, когда мы были студентами и когда Дмитрий Иванович вступил в среду харьковских профессоров¹⁾.

Своим внешним видом Харьковский университет того времени далеко не походил на „храм науки“. За исключением акушерской клиники, имевшей наемное помещение в другой части города, весь он, со своими остальными клиниками, кабинетами, аудиториями, библиотекой, канцеляриями, ютился в старых, невзрачных зданиях, на небольшом пространстве, по обе стороны Университетской улицы, между двумя площадями: бывш. Соборной и Павловской. Прежде всего бросалась в глаза чрезвычайная в нем теснота. Один знатный путешественник, проездом через Харьков осматривавший университет через несколько лет после его основания, высказывал предположение, что „университет помещен в генерал-губернаторском доме, чайтельно на время, потому что он не довольно для сей цели обширен“²⁾. И действительно, университет находился во „временном помещении“, но это временное помещение превратилось для него в постоянное. В. А. Жуковский, видевший Харьковский университет в 1837 г., в своем дневнике так формулирует свое впечатление: „в университете — бедность и теснота“. Бедность и теснота — это был хронический недуг нашего университета. В его распоряжении „не находилось ни одного угла, на счет которого он мог бы расширить хотя бы и одну аудиторию“. Лучшее в нем помещение

¹⁾ Ср. мою статью „Образы прошлого“ в „Анналах“. II (1923), стр. 235.

²⁾ Д. И. Багалей. Опыт истории Харьковского Университета, I, 477.

1 Из собрания (Харьковского) в честь Д. И. Багаля



занято было квартирой попечителя учебного округа. Долго,—и до самого 1906 года тщетно,—хлопотал университет о предоставлении ему для его нужд этого помещения. Один попечитель (генерал Максимовский) в начале 80-х годов в ответ на такие хлопоты предлагал совету перенести музей изящных искусств частью в актовый зал, а большую часть в сарай и на чердак, на что совет, конечно, не согласился.

Но теснота и это сосредоточие университета в одном месте имели и свою хорошую сторону. Чтение всех лекций, кроме клинических, происходило в одном и том же старом корпусе, где расположены были аудитории. В коридоре теснились студенты всех факультетов; в профессорской сходились представители разнообразных специальностей. Как между студентами разных факультетов, так и между профессорами было больше общения, нежели впоследствии; слушателям одного факультета легче и удобнее было посещать лекции других факультетов. А из тесных аудиторий и клиник Харьковского университета нередко выходили хорошие специалисты и крупные ученые. В виде примера можно назвать имена Остроградского, Н. И. Костомарова, И. И. Мечникова, В. В. Заленского, Максима Ковалевского. Из среды же студентов Харьковского университета вышли такие его профессора, как В. А. Стеклов на физико-математическом факультете (впоследствии академик и вице-президент Академии Наук СССР), профессор международного права Д. И. Каченовский на юридическом, имевший связи с крупными представителями ученого и политического мира Западной Европы, являвшийся в университете главою либерального западничества, непримиримый враг милитаризма; как И. И. Срезневский и А. А. Потебня на нашем, Л. Л. Гиршман на медицинском факультете. О двух последних именах едва ли надо распространяться: они еще памяты современному поколению.

О профессорах не историках, бывших на нашем факультете в мои студенческие годы, в том числе и о А. А. Потебне, я уже говорил в другом месте¹⁾ и теперь не буду повторять сказанного. Я останавлиюсь здесь преимущественно на историках или представителях научных дисциплин, близких к истории.

Профессора-специалиста по русской истории в Харьковском университете в мои студенческие годы не было; кафедра оставалась вакантной в течение почти восьми лет, после перехода в 1875 г. проф. Н. Я. Аристова в Нежинский историко-филологический институт и до избрания в доценты Д. И. Багалая в 1883 г. Факт странный, и я объяснить его в точности не умею. Знаю, что готовившийся к профессоруре по русской истории Ильинский умер как раз в то время, когда уже готов был к магистерскому экзамену; что велись, кажется, переговоры с Н. И. Костомаровым и В. И. Семевским, ни к чему не приведшие; что ждали, пока подготовится оставленный при университете П. Н. Буцинский, потом и занявший кафедру вместе с Д. И. Багалеем. В течение же восьми лет русскую историю преподавали историки всеобщие: до моего поступления в университет М. Н. Петров читал специальный курс о Петре Великом; при нас русскую историю читал Василий Карлович Надлер, бывший деканом нашего факультета.

Медленной походкой в аудиторию входит профессор, на вид лет под сорок, среднего роста, коренастый, с красноватым лицом, носящим,

¹⁾ „Анналы“, II (1923), стр. 239 сл.

a. VI.
851

повидимому, следы рожистого воспаления, с бородой, со взглядом несколько исподлобья. Это был В. К. Надлер. Он начинает лекцию и скоро увлекает нас своею легкою, свободною, плавною речью, без записок или каких-либо конспектов. Известно, какое значение внешней стороне изложения придают студенты-новички. Кончилась лекция, и мы между собою говорим: „Хорошо подготовился профессор Надлер к своей первой лекции; послушаем, как он будет читать дальше, вероятно — по запискам“. Но мы ошиблись: и последующие свои лекции В. К. Надлер читал так же, как и первую. Он обладал огромною памятью; никаких записок или конспектов не составлял, никаких выписок не делал даже тогда, когда писал какую-нибудь большую работу. Обыкновенно он прочитывал материалы, которыми ему приходилось пользоваться, и затем принимался по памяти писать, изредка наводя справки в книгах, которыми бывал обложен. Он являлся полным хозяином своего материала. С удивительной памятью В. К. Надлер соединял редкий дар слова. Речь его была всегда проста, свободна и плавна; он облекал свою мысль в легкую, доступную форму.

Это был историк-повествователь по преимуществу, — по преимуществу, но не исключительно: В. К. Надлер останавливался и на различных теориях или спорных в науке вопросах, на разборе их. В мое время на нашем факультете исторических семинаров еще не было, практические занятия не велись. Такие занятия — по Monumenta Germaniae — В. К. Надлер стал вести потом, по окончании нами курса, и я знаю, что участвовавшие в них студенты проявляли большой интерес к ним; шли эти занятия весьма оживленно, и между участниками возникали горячие прения по поводу того или другого вопроса. Для нас же лекции В. К. Надлера, в особенности специальные курсы, которые он читал по всеобщей истории, до некоторой степени заменяли практические занятия. Разбирая различные мнения, приводя доказательства pro и contra, делая выводы из приводимых данных, В. К. Надлер знакомил нас с приемами, методами исследования.

Русскую историю он читал подробно, обстоятельно и в первый год успел довести изложение только до татарского ига. Второй год был посвящен главным образом возвышению Москвы. Всеобщую историю у В. К. Надлера я слушал на третьем и четвертом курсе, на третьем — историю Византии, на четвертом — историю крестовых походов. Тот и другой курс был большой, подробный: „История крестовых походов“ занимала, например, около 1200 литографированных страниц (оба курса литографировались; мы в числе трех или четырех человек записывали за Надлером по очереди; записывать за ним было легко). Но вследствие легкости изложения лекции эти усваивались без особого труда, и экзамен у В. К. Надлера не был страшен; Надлер экзаменовал добродушно. Историю Византии он довел лишь до XIII столетия, подробно останавливаясь на внешней политической стороне ее: культуре, за недостатком времени, посвятил лишь заключительный краткий очерк. Вообще в лекциях В. К. Надлера преобладало изложение событий, войн, фактов внешней политической истории. Кроме названных курсов, им в другие годы читались начало средних веков, история арабов, иногда римская история, география, но преимущественно — история Германской империи (большею частью до XIII стол.), при чем курс этот разделялся на несколько лет и главным пособием для Надлера здесь служил, конечно, В. Гизебрехт — „Geschichte der deutschen Kaiserzeit“, которую он иногда приносил с собой и на лекции.

1928
4/4

Пей